

К 60-летию Ю. Любимова

Должен признаться, что я не очень люблю юбилей. Юбилейный жанр, как мне кажется, переживает сейчас заную девальвацию, явный кризис: вот так всем обрыдли каденыя и славословия.

Но нынешнее торжество — по зову сердца, по велению души, потому что Юрия Любимова в нашей театральной культуре да и вообще в современной культуре — явление удивительное, масштабное, если хотите, небывалое.

И слава у Юрия Любимова, у его театра тоже небывалая, фантастическая. По крайней мере на моей памяти (а я человек, хотя и не достиг, по нынешним понятиям, еще среднего возраста, но и не молодой уже) такой славы, такой популярности не имел ни один театр. Впрочем, я здесь не делаю никакого открытия, и об этом за сегодняшний день было сказано уже немало.

Но вот вопрос, над которым еще и еще раз стоит поразмыслить: почему из года в год, вот уже на протяжении свыше десятилетия каждый спектакль на Таганке штурмует стар и млад? Почему такая необоримая страсть у зрителей к любимо-скому театру?

Самое распространенное объяснение: Любимов — новатор театральной формы. Иные — и это главным образом чиновники от культуры, которые, кстати сказать, терпеть не могут этот театр, к этому добавляют: Любимов — нигилист и ниспровергатель, Любимов спекулирует на сомнительных чувствах зеленой, неоперившейся молодежи. Что ж, и в этом есть своя резон.

Конечно же, Любимов — бунтарь. Конечно же, Любимов — ниспровергатель. А как же иначе? Талант — это всегда бунт против костыли и мертвечины в искусстве и в жизни, это всегда вызов чиновному обывателю, которому ничего не надо, кроме того, чтобы надежно и прочно покоился его крепкий руководящий зад в руководящем кресле. А Любимов не просто талант. Любимов — это талант, если не сказать больше.

Приходилось встречаться — давайте уж говорить совершенно откровенно — и еще с одной версией небывалого успеха Таганки: Любимов, дескать, заигрывает с теми, которые отсюда, с тех краев, с той стороны, где закатывается солнце.

Ладно. Молодежь валит валом к Любимову, потому что у Любимова всегда пахнет скандалом, иностранцы, сволочи, те тоже понятно, зачем лезом лезут — погреть свои грязные руки, тухлой рыбки половить в мутной водичке.

Ну а как быть с ученым миром, с академиком?

Вот всемирно известный ученый, патриарх нашей современной отечественной науки Петр Леонидович Капица. Нет и не было ни одного нового спектакля на Таганке, который не посмотрел бы и раз, и два Петр Леонидович. Что же, делать ему больше нечего? Или, может быть, на старости лет почтенный академик увлекся свансами черной магии?

А глава ученой Дубны академик Флеров, который со товарищи на все новые спектакли за сотни верст едет, — его неизменный интерес чем объяснить?

Повторяю, все правильно: Любимов — новатор театральной формы. Любимов — нигилист и ниспровергатель. Даже хулиган, если хотите (и так называют его), Любимов работает на молодежь, на иностранцев. А кстати, почему бы и не работать на молодежь и иностранцев?

Но вот что забывают. Любимов явил на сцене не только новую форму, полную неистощимой выдумки и фантазии, не только яркое, всех заражающее и осаждающее театральное действо, в котором нередко — по Любимовски — смешано все: и открытая расклеванная публицистика, и лирика, и трагедия, и мелодрама, и народный балаган, и забытое ныне многими веселое, искрометное искусство скоморохов.

Любимов явил театру — и это самое главное — и новое содержание. Содержание опять-таки небывалое, захватывающее, с необыкновенной силой и пронзительностью выражающее главные вопросы современности, узловые проблемы нашей нравственности, морали и, не побоюсь сказать прямо, в лоб, — нашей политики, одним словом, всего того, чем живет наше время, наш человек.

Не буду утомлять вас долгим разговором на эту тему. Только два примера.

Отечественная война, наша величайшая национальная трагедия и наш небывалый взлет духа, героизма. Кто об этом в театре за последние годы сказал более пронзительно, более впечатляюще, чем Любимов в своих «Зорьках»?

Проблема возрождения коренных земель России, от которых пошла русская государственность, проблема русского поля, русского хлеба, которая вот уже десятки лет не дает нам покоя, или проблема второй целины, как еще называется все это ныне... Тут я, конечно, должен бы опустить очи долу — как-никак я и приложил свою дышк к «Деревянному коню». Но вот я мысленно, уже как бывший критик, перебираю наши так называемые колхозные спектакли (жанр, кстати сказать, не очень в большом почете у городского зрителя), и нет, ничего не могу поставить рядом с любимо-ским спектаклем.

Я коснулся только двух вещей Любимова. Но ведь нечто подобное, а может быть, и большее можно было бы сказать и о других спектаклях Любимова: «Добрый человек из Сезуана», который составил целую эпоху в нашей театральной культуре, «Гамлет», «Мать», «Пугачев», который по своей лаконичности и ясности является, может быть, лучшей постановкой Любимова.

К сожалению, всего этого у нас часто не понимают. И не понимают прежде всего чиновники от культуры, ибо чем же иначе объяснить, что Таганка, любимо-ский театр у зрителей, в течение многих лет либо замалчивается, либо подвергается всякого рода разностям и оскорблениям.

Факты? А чем это не факт? Прославленный на весь мир режиссер не имеет ни единого почетного звания, ни единой награды!

Понимаю, понимаю: вот тоже нашел, из-за чего проливать слезы. Да это же пустяки, ерунда.

А собственно, почему пустяки? Почему ерунда?

Уж коли я заговорил о таких вещах, как почетные звания и награды, скажу и об артистах Таганки, об их почетных званиях, а следовательно, и об их заработке.

В иной театр зайдешь — публики горстка, стайка, да и то часто из числа тех, кто хранит ему верность из уважения к его главному прошлому, зато заслуженных, народных и прочих — иконостасы.

На Таганке наоборот. А разве такие блестящие артисты, как Высоцкий, Шаповалов, Бортник, Жукова, Смирнов, Рэинсон, Власова, Смехов — кто еще? — да разве все они, давно уже заслужившие любовь и признательность зрителя, не заслуживают поощрения?

Конечно. Наш юбиляр в завидном расцвете своих творческих сил, своего огромного дарования. Но юбилей — это не только время сбора урожая, но время и закладки будущего урожая. Юбилей — это еще время, чтобы хорошенько и трезво поразмыслить о пройденном пути, о своих промахах и упущениях, о будущем.

Не хочу убеждать — у Юрия Петровича впереди немалые трудности. Юношеская команда, с которой он вышел когда-то в открытое море на кое-как оснащенный бригантине, сегодня уже не та. Это не беззаботные юнцы-романтики, бездумно влюбленные в своего капитана, готовые броситься в огонь и в воду по первому его слову. Сегодня — это прожженные и просоленные морские волки, люди, которые с раздумьем всматриваются в окружающий океан жизни и которые пьют и требовательно всматриваются в своего капитана, тоже, кстати сказать, уже не первой молодости: куда нас ведешь? Во имя чего? На какие глубины жизни и какой жизни?

Я верю: театральный корабль — теперь уже не допотопная бригантина, а именно корабль, оснащенный новейшей техникой. Я верю, что этот корабль, ведомый Юрием Петровичем, держит курс на самые большие глубины народной жизни, на самые важные широты и меридианы нашего буйного и сложного века. Иначе быть не может.

И да помогут ему боги в небесах, и да поможет ему партия на земле!

«БЫЛИ-НЕБЫЛИ»

Притча о члене президиума

Д. привык к тому, что его на каждом собрании «выбирают» в президиум. Поэтому и не этот раз, придя на собрание с опозданием, он прошел прямо в президиум, сел за стол. В зале шум, смех, замешательство в президиуме. Что такое? Наконец председатель собрания шепнул на ухо: т. Д., вы не избраны в президиум.

28 февраля исполнилось бы 70 лет со дня рождения Федора Александровича Абрамова. «Выступать в его архиве осталось жемчужное материале — заметки, наброски, размышления, заготовки к будущим статьям, рассказам, повестям, но говоря уже о начатом романе «Чистая книга». В последнее десятилетие он сделал много заметок об искусстве — литературе, живописи, музыке, театре. Он собирался создать книгу «Об искусстве». Задумана была и книга о писателях, деятелях культуры, с которыми он был знаком. Абрамов хранил черновики подготавливаемого романа о Ю. Любимове, которое он собирался проинести в день шестидесятилетия режиссера в октябре 1977 года. На юбилейном вечере в Театре на Таганке он произнес только короткое слово, так как празднование затануло и он чувствовал, что аудитория устала. «Выступать в этой ситуации — безумие», — записал он на следующий день. «И все-таки я рискнул. Был ор, был шум, поначалу, но мне все-таки удалось взять людей за глотку». Неодуманно, а затем и одобрение, восхищение вызвали заключительные слова: «Я рад, очень рад, что наш юбиляр удостоился высшей правительственной награды — ордена Трудового Красного Знамени. Понимаю, понимаю: награды бывают разные. Но вот что не следует забывать: наш великий национальный поэт Александр Твардовский в день своего 60-летия тоже был награжден орденом Трудового Красного Знамени».

С театром на Таганке и с Ю. П. Любимовым у Абрамова была долгая дружба, оканчивавшаяся в 1974 году, когда был поставлен прекрасный спектакль «Деревянные кони». Абрамов принимал большое участие в подготовке спектакля, бывал на репетициях, делал замечания, спорил, помогал довести постановку до совершенства. С большими трудностями проходила приемка пьесы, буквально велось сражение, особенно за сцену раскулачивания, которая все же подверглась некоторым изменениям. Успех «Деревянных коней» был грандиозный. Абрамов был счастлив, благодарил актеров, художника-оформителя Д. Боровского и, конечно, Любимова.

Публикуемое слово «К 60-летию Любимова» представляет интерес и как одна из страниц нашей культуры, и как факт биографии Абрамова, свидетельствующий о его понимании роли и значения подлинного искусства, о его постоянной борьбе с чиновничьим произволом, борьба за талант.

О широте интересов писателя, о глубине и остроте его переживаний, связанных с трагическими событиями нашей истории, о его озабоченности духовным состоянием общества дадут представление другие публикуемые архивные материалы: незаконченная статья «О песне», заметки «Об искусстве», рассказы из цикла «Трава-мурава» и «Были-небыли», о которых Абрамов писал в 1978 году: «Эти короткие истории не выдуманы, взяты из жизни. Колетте говоря, все они были. Но были, которые кажутся нестранными нашей культуре и потому-то так и назван сборник».

Федор Абрамов:

ВЕРУЮ

Ф. Абрамов, П. Капица и Ю. Любимов, 1978 год.

Не избран? Д. встал и под смех зала сошел вниз. Политическая карьера его кончилась. 21 февраля 71.

В пору расцвета социалистической демократии

До сих пор еще кое-кто оплакивает 20-е годы как золотое десятилетие, как самую демократическую пору в истории нашего государства. А так ли? И. Э., молодая девушка в те годы, свидетельствует: если у вас собирается компания больше 15 человек, вы должны поставить в известность милицию. 2 июня 75.

Главное — загордиться

Встретил К. Довольный, сияющий: удачно выступил в Москве, на Совете критики. — О самом больном вопросе говорил. И остро. О народо-вании, о том, как заката у нас народная инициатива в жизни и как это отражено в литературе. Выслушали в гробовом молчании. Потом поперзали, поперег-лядали, но ушучить не смогли. Я Ленинским загордился. Начал с молитвы и кончил молитвой. Как тут ушучишь? 2 июня 75.

Отчего аварии

Разговорился с одним газетчиком из Воркуты. Как, мол, поживает северная очеркарка? Как быт, заработок? Все ли решены вопросы, связанные со строительством города на вечной мерзлоте? Газетчик отвечал без особого энтузиазма. Потом я спросил об авариях на шахтах. Бывают ли? И как часто? — Бывают. В среднем гибнет 30—40 человек ежегодно. — А причины? — А причины... Главная причина — качество строительных работ на шахтах. Я это сам слышал на совещании руководящих работников. После одной крупной аварии приехал из Москвы видный товарищ и давал всех шерстить. И вот тогда один инженер не выдержал, встал: — Да что вы хотите, когда шахты были построены в расчете на котарников? 16 октября 75.

Почему Борис ходил голосовать?

Приходит Борис — племянник. Зевает. — Не выспался. Рано встал. — Зачем? — Голосовать ходил. Выборы народных судей. — Но ты же не веришь в выборы. — В выборы-то не верю, да в буфет, дядя, верю. А буфет на выборахных участках всегда по последнему слову. К примеру, в 6 часов утра можешь ты достать где-либо бутылку пива? А там пожалуйста. Кольянок даже есть, закусочка. Вот и пошел. И тем интересно, дядя, что пиво-то это в школе. Ну, ко, пивал ты пиво в школе? А свое отношение к выборам я выразил. На обороте бюллетеня написал: «Кандидатура сомнительна». 13 марта 76.

«А торгаши-то посильнее будут...»

Получил Государственную премию, и надо было как-то отметить ее, собрать у себя гостей. А чем угостить? Что подать на стол? Какие зернышки кушиться в наших магазинах? — Посоветовали обратиться к Лиде, в ресторан. — Лиде раскошелиться — подбросила банку красной икры и палку хорошей колбасы. А потом, улыбаясь, сказала: — А я думала раньше, лауреаты — боги. А нет, торгаши-то посильнее их будут... 10 апреля 76.

О росте туризма

Бюро РК. В Боровичах. Отчет зав. отделом культуры. — Культурный уровень наших горожан за последние годы резко возрос. Свидетельство тому — туризм. Раньше, к примеру, много ли боровичан ездил в Ленинград? А ныне все предприятия зарекаются на субботу и воскресенье автобусы. И на те автобусы очереди. Так что некоторые товарищи и в рабочие дни ездят, разумеется, с последующей отработкой проезженных дней.

Тут члены бюро невольно опустили головы. Потому что понимали, что это за туризм. За продуктами люди ездят в Ленинград — жрать нечего в Боровичах. — Особенно удачно организованы выезды в рабочее время в Ленинград на мясокombинате...

Тут уж в зале захохотали. Потому что то, что делалось на мясокombинате, смахивало на анекдот. Сделают рабочие мясокombината очередную партию колбасы, погрузят на грузовики и след за ними садут на автобусы в Питер. Чтобы захватить колбасу в магазинах. А то ведь и в Ленинграде нехватка колбасы.

Первый секретарь, ведущий заседание, поморщился и махнул рукой в сторону докладчика: — Ладно, насчет туризма давай в другой раз. Что еще у тебя? 6 сентября 76.

Романов едет

Писатель на час опоздал в редакцию: ждал, когда по ул. Энгельса проедет на дачу член Политбюро Романов. И так ждали тысячи, десятки тысяч людей, ибо все подходы к ул. Энгельса были перекрыты. Во что обходится стране один проезд члена Политбюро? Борются всюду за экономию, радуются, когда где-то выигрант минуту, секунду, объявляют красивые субботы... Но что все это экономика по сравнению с тем, во что обходится государству один проезд члена Политбюро? А сколько их в стране? Подсчитал ли кто затраты, которые несет народ? 6 мая 78.

Поощрение

До войны да, наверно, и после войны конвоиру, убившему за побег зка, выдавали премию в 25 рублей. И вот же делал многие конвоиры? Выбросят в сторону лопату, ткнут зка: подними. Может, неопытный зк возьмет и выйдет. А в спину ему выстрел. Некоторые конвоиры, особенно семейные, хорошо подрабатывали этим путем. 17 мая 79.

Манкурты

В день областной партконференции М. едет в Университет в троллейбусе. Встречается с работниками издательства. — Вы откуда? — Из Смольного. — Но ведь сегодня областная партконференция. Там никого нет. — Нет, там всегда кто-то есть. Там всегда указания дают. — И вы ездите за указаниями. — А как же, конечно. Ведь мы «манкурты». — Смесь с явил М.— У нас ни памяти, ни совести, ни чести. Мы — исполнители. 24 января 1981.

«ТРАВА-МУРАВА»

Верую

Собрание московских художников. На повестке дня: борьба с формализмом. Одним из столпов формализма в докладе был назван Ф. Выступающие с остравенением людей сталинской эпохи расшалили, топтали старика. Но особое негодование против старого мастера разразилось в зале после того, как один оратор в духе доноса сказал: — Что вы тут о формализме толкуете? Разве в формализме дело? Да он — верующий. — Как верующий? — ахнуло собрание. — Не может быть! К ответу, к ответу. Пусть сам скажет! — закричали отовсюду. Что было делать? Ф. вышел на трибуну. Старый человек. С Бородей. Помолчал немного, произнес: — Да, я верую. И вот что такое истинная вера: установилась мертвая тишина. Зал замолчал, смолк, как лев, укрощенный святым. 1979.

Когда любят искусство

Вадима Черного в двадцать два года назначили главным режиссером театра. И, конечно же, артисты — люди с амбицией, с гонором, встретили «мальчишку» в штаны. Опоздания и неявки на репетиции, постоянные пререкания и злые насмешки, сплетни... Короче, сматывая удочки, пока совсем не развалился театр. И тогда на помощь Черному пришел Аркадий Иванович Преловский, местная знаменитость, самый старый и самый уважаемый в труппе артист.

Однажды Преловский сказал: — Молодой человек, если вы все еще хотите закрепиться в нашем театре, выгоните меня завтра с репетиции за опоздание.

На другой день Преловский действительно явился на репетицию с опозданием, и Черный, обмирая от страха, на кого решил руку поднять, пролепетал: — Вижу неоднократное опоздание вас, товарищ Преловский, к репетиции не допускаю.

Преловский разрыгал неописуемое негодование. Просто гром раскатился под сводами зрительного зала. — Да вы понимаете, нет, что сказали? Преловского, самого Преловского не допустить к репетиции!.. Труппа замерла, а сам Черный был только что жив.

И вдруг произошло чудо: старый лев покорился. — Хорошо, — сказал Преловский, — пусть будет по-вашему. Преловский уйдет, потому что Преловский превыше всего любит искусство.

И ушел. В тот день Черный впервые провел репетицию как режиссер. 1981.

Что главное в жизни

На Псковщину приехали столичные художники, и какое счастье — в первой же деревне натолкнулись на такую натуру, о какой и мечтать не смели: два дедь-кузнеца у расклеванного горна — одному 78, другому 85. Бородатые, прокопченные, а лице еще — в общем, готовая картина.

Три дня художники с утра до вечера писали дедов, а потом тут же, в кузнице, схлопотали для них угощения.

И вот сидят деды, угощаются, беседуют степенно о том — о сем со столичными, а возле них, как назойливая муха, вьет-ся уже немолодая, в очках искусствоведа, которая приехала вместе с художниками: — Скажите, а что главное в жизни? — Да как тебе сказать, милая, — отмахиваются старики. — Когда что... — Ну, а конкретнее, конкретнее! — не унимается искусствоведа. Она во что бы то ни стало решила «добить» стариков. А как же! Прожили такую жизнь, оба из самой гущи народа, да кого и спрашивать, как не их, да кто ей и ответит на вопрос всех вопросов, как не они!

И выведенные из терпения старики, наконец, взрываются... — Что главное, что главное... Главное — поработать, закусить да выпить... А ты все, что главное, что главное... 1981.

ИЗ ЗАМЕТОК ОБ ИСКУССТВЕ

О современной песне

В наше время слово «революция» стало обычным расхожим словом. Революция научно-техническая, революция зеленая, революция сексуальная... Каких только революций нет!

И однако же то, что произошло с песней, нельзя иначе обозначить, как революция или контрреволюция. Полный разрыв с песенной культурой предыдущих эпох, с национальной традицией. В современной песне все новое, все другое. Она, как негодный хлам, отбросила мелодию и дала волю горлу, крику, шепоту. Из нее начисто изгнаны душа и сердце. В ней коренным образом изменился даже текст.

Когда-то, помнится, Михаил Исаковский писал об особой, музыкальной природе стиха, потребного для песни. А сегодня? А сегодня, словно в опровержение этого, в дело идет самый диссонансный, самый немелодичный словесный материал.

Новая песня отличается необычайной агрессивностью. Эй мало того, что она захватила эстраду, радио, телевидение. Она подминает под себя, перелицовывает на свой лад даже традиционную песню. Как-то недавно я включил радио, и что же услышал? По-новому, с подвывом, исполняются всемирно известные песни Соловьева-Седого, да и сам Соловьев-Седой в своих последних песнях нет-нет, да и начинает подлаживаться под новую песню.

Примеры, характеризующие полное перерождение песни, можно было бы приводить еще и еще. Но дело не в количестве примеров.

Гораздо важнее подумать о том, почему сегодняшняя молодежь почти повсеместно изгнала из своего репертуара национальную, отечественную песню и завивает на иностранный манер (корнитист).

Некоторые объясняют это слабой пропагандой отечественной песни, тем, что во главе многих учреждений, которые занимаются концертно-исполнительской деятельностью, стоят люди, не знающие и не ценящие русскую песню. Другие в безраздельном господстве новой песни видят идеологическую диверсию Запада. Соловьев-Седой, например, на одном из семинаров творческой интеллигенции Ленинграда сказал: битву за души молодежи мы проиграли Западу.

Вероятно, все эти объяснения нельзя сбрасывать со счетов. Но исчерпывают ли они существо вопроса? Ведь считать, например, что новая песня есть идеологическая диверсия капиталистического Запада, — это все равно что встать на точку зрения экспорта революции.

Песня — это голос души народа. И в радикальной перестройке ее, в утверждении новых ритмов надо видеть очень серьезные и очень глубинные процессы, которые произошли и происходят в душевом хозяйстве наших людей.

В новой песне, думается, прежде всего своеобразно отразилось критическое отношение новых поколений к жизни и некоторым деяниям своих отцов, скажем, к тому же культу Сталина. С другой стороны, новая песня, утратив полноту и раздолье чувств и душевных переживаний, характерных для старой песни, явилась своеобразной защитой современного человека от эмональных перегрузок века. Сегодняшний человек, подобно тому, как вместо хлопка, шерсти и шелка, потребляет синтетик, так и в эмоциональной сфере все больше довольствуется эрзацами. И новая песня — один из эмоциональных эрзацев, которым живет современный человек, показатель измеленности и оскудения его эмоционального и духовного мира.

То, что происходит в песне, по-своему происходит и в других искусствах. Например, театр. Где сегодня Москвитны, Качаловы с их полнокровным, свободно и широко звучащим словом?

Целыми днями напеваю народные песни, которые услышал на спектакле «Братья и сестры».

Веселье, плясовые, предельно простые и запоминающиеся ритмы и мелодии.

Но где в жизни все эти песни, пляски, сказки, былины, которые составляли культуру народную и которые были достоянием всех людей, питали души людей?

Все это ныне ушло из жизни. Умерло. Была тучная, богатая почва. Все сошло, соли вымыло из нее, и что осталось? Безродный песок.

И то же самое произошло с душами людей. Народную, вековую культуру из них вымыло, а что осталось? Что пришло им на смену?

Люди перестали быть активными участниками культуры. Ныне они только потребители.

Исполнители и слушатели. А раньше этого деления не было.

Балалайка

Художник Френц, по словам Ф. М., начал понимать живопись после 50-ти (так он говорил ему), а я в 56 лет начал понимать балалайку.

Вырос под балалайку, хор Андреева приходилось слушать, а не любить этого инструмента. Слыхом прост, примитивен. К гармошке, к баяну тянулось сердце.

И вот совсем недавно, на концерте Северного хора, вдруг открылась красота балалайки.

Истинно национальный инструмент. Скромный, неброский, как все русское. — 3 струны. — Но боже, что могут извлекать из этих трех струн наши умельцы! Вот так русские во всем. Топорик, например. Уж куда как прост и примитивен. А мы ведь всю деревянную красу на Руси топороком сделали. Подготовок текста к печати, публикация и вступление Л. АБРАМОВОЙ-КРУТИКОВОЙ.